

Философский трактат на тему:
**«СПРАВЕДЛИВОСТЬ СЕГОДНЯ: НЕЛЕГКИЙ ВЫБОР МЕЖДУ
РАСПРЕДЕЛЕНИЕМ И ПРИЗНАНИЕМ»**

Девиз: «Позаботьтесь о справедливости, и солидарность в общество придет сама, как её следствие».

«Я думаю, мой Сократ, что афиняне, да и все остальные эллины редко задаются вопросом, что справедливо, а что несправедливо, они считают, что это само собой ясно. Поэтому, отложив попечение о справедливости, они заботятся лишь о пользе дела».

Платон. Алкивиад I.

Проблема

Джон Ролз, чья «Теория справедливости» до сих пор считается катехизисом этической и политико-правовой мысли либерализма, утверждал, что место и роль справедливости в теории морали сопоставимы с местом и ролью истины в логике. Это отождествление, однако, скорее красивая метафора, призванная привлечь внимание к проблеме, чем бесспорное утверждение. Потому что логика, в самом деле, имеет своей главной целью поиск путей, следуя которыми человеческое мышление придет к истине. А вот что касается этики, философии права и политики, то они не столь единодушны в том, будто справедливость имеет для них приоритет перед другими социальными и индивидуальными добродетелями. Это означает, что требуется обоснование ценности справедливости как объекта концептуализации. Последняя включает в себя систему теоретических аргументов, доказывающих, что понятие или принцип справедливости являются основополагающими в системе категорий и принципов, посредством которых описывается социальная реальность. Но уже Аристотель, первым предпринявший попытку теоретического осмысления справедливости, столкнулся с проблемой, решить которую не удалось до сих пор. Она является частным случаем более общей трудности, с которой встречается нормативное познание. По этой причине, хотя о справедливости говорится и пишется очень много, все сказанное и написанное о ней считается более или менее обоснованным выражением тех или иных ценностных предпочтений. Доказать же, что одна ценностная позиция более истинна, чем другая, невозможно.

Справедливость, тем не менее, обладает свойством, которого нет у истины, и которое помогает ей оставаться в поле зрения философии и социальных наук, несмотря на безуспешность попыток дать её удовлетворительное объяснение. Этим свойством является особая чувствительность по отношению к ней со стороны отдельных индивидов, а также социальных и культурных групп. Она проявляется в том, что люди признают нечто справедливым или несправедливым только в том случае, если субъективно воспринимают это нечто, как справедливое или несправедливое. Сколько бы социальные теоретики или партийные идеологи ни говорили о справедливости социального устройства, экономических реформ или правовой системы, они не преуспеют в своем деле, если будут игнорировать указанное обстоятельство. Это отличает их от ученых, которым безразличны чувства обывателей, уверенных в том, что Солнце вращается вокруг Земли. Для большинства людей истина не настолько важна, чтобы ради неё идти на баррикады или рисковать жизнью на войне. Такая жертвенность – удел ученых, да и то, далеко не всех. Справедливость же очень часто выступает в качестве катализатора социальных изменений, и нередко является ключом к пониманию действий конкретных индивидов. Указанное обстоятельство хотя и не дает ответа на вопрос о природе справедливости, однако вполне его достаточно для того, чтобы оправдать интерес к ней со стороны философов, ученых и обычных людей.

Особая чувствительность людей по отношению к справедливости – величина непостоянная. Она связана с коллективной и персональной идентичностью и меняется по мере того, как эта идентичность становится более дифференцированной и сложной. Современный человек «состоит» из гораздо большего числа индивидуальных, социальных и культурных «деталей», многие из которых он считает значимыми для себя, образующими его особость. Игнорирование этих индивидуальных особенностей, а тем

паче – пренебрежение ими, воспринимается как несправедливость и побуждает людей к ответным действиям. О справедливости начинают беспокоиться тогда, когда сталкиваются с несправедливостью.

Умозрительные рассуждения об актуальности темы справедливости подкрепляются эмпирическими исследованиями. Так, установлено, что последние два десятилетия проблема справедливости обострилась в европейских странах, считающихся оплотом стабильности и процветания. Это нашло отражение в усилении разрыва между богатыми и бедными, увеличении количества последних, в росте бюрократии и коррупции. Социологи отмечают, что социальные характеристики, особенно бедность и богатство, начинают наследоваться, а это свидетельствует о рефеодализации общества. Она проявляется в возникновении и умножении замкнутых социальных групп, внутри которых формируются и сохраняются определенные стандарты социального поведения. Различие между группами состоит не только в уровне материального благополучия, но также в шансах на качественное образование, современное медицинское обеспечение и карьерный рост. Исследования показывают, что у детей из семей с высоким социальным статусом шансов получить доступ к образованию и последующую престижную работу во много раз выше, чем у детей рабочих. На глазах исчезают «социальные лифты», позволяющие человеку из «нижнего слоя» переместиться на более высокий уровень общественной иерархии. Это создает напряжение, разрядить которое с помощью привычных механизмов социального перераспределения уже не удастся, поскольку их целью является не устранение несправедливости, а минимизация числа голодных и бездомных. Несмотря на то, что такой подход критиковал еще Адам Смит, он доминировал в социально-философском и философско-правовом дискурсе до 70-х годов XX века, когда книга Ролза и спровоцированная ею дискуссия переместили обсуждение проблемы справедливости на принципиально новый теоретический уровень.

Главным итогом дискуссий вокруг темы справедливости, длящихся последние тридцать лет, стал существенный семантический сдвиг в понимании справедливости, повлекший, в свою очередь, появление новых форм и способов её достижения. В этом понятийном сдвиге примечательно следующее:

1. Зафиксирована «культурализация» социального, затронувшая и справедливость. Бедность, малообразованность, социальная пассивность рассматриваются сейчас как признаки принадлежности к «нижним» или маргинальным социальным слоям, как неизбежное следствие этого. Если ты крестьянин, рабочий или цыган – значит закономерно – бедный, гонимый и второсортный. Справедливо, что ты работаешь в поте лица и не покладая рук, а умираешь, не имея своего угла, потому что сам в этом виноват. Справедливо, что тебя не допускают к участию в политической жизни, ибо как ты можешь устроить жизнь государства или города, если не можешь устроить даже свою собственную. В соответствие с таким пониманием на несправедливость обречены определенные социальные группы, находясь внутри которых человек не может стать богатым, образованным и здоровым. Для того чтобы получить эти блага, нужно выйти за пределы своего слоя, а это сейчас становится довольно трудным делом из-за указанного выше феномена рефеодализации. Одним из немногих путей, которые позволяют перейти на более высокий социальный уровень, является качественное образование. Но оно стоит денег, а потому недоступно для большинства молодых людей из семей с малым и средним достатком.

Для оправдания такого подхода власть имущими используется фарисейская риторика: образование и медицинское обеспечение, как товар, имеют несколько сортов, отличающихся по цене. Если вы не в состоянии приобрести товар высшего сорта, имеются более дешевые предложения. Главное – никто не обделен, а, значит, справедливость соблюдена.

Очевидно, что такое положение дел требует декультурации социального и проведения структурных реформ.

2. Установлено, что обделенные и дискриминируемые группы свыклись со своей участью, избалованы системой социального вспомоществования и утратили чувство ответственности за свои жизненные возможности и за судьбу общества в целом. Они не хотят бороться за улучшение своей жизни. Справедливость требует, чтобы такое социальное иждивенчество было минимизировано.

3. Новая семантика справедливости отражает факт плюрализации феномена справедливости, проявляющийся в сосуществовании множества видов справедливости, как то: поколенческой, гендерной, связанной с доступом к образованию и медицинскому обеспечению и т.д. Большой ошибкой было бы свести их к какой-то одной «метасправедливости» и представить как её частные случаи. В то же время отрицание возможности интегрирующей инстанции справедливости делает проблематичным включение справедливости в состав политического и правового дискурса. Иными словами, становится неясной ценность справедливости: если она утрачивает дистрибутивное измерение, то, что от неё остается? Постмодернисты выдвигают на передний план «внимание» к «инаковости», в соответствии с которым справедливость состоит в том, чтобы всем была предоставлена возможность активного участия в социальной кооперации, а исключение рассматривалось бы как форма несправедливости. Но как в таком случае быть с теми, кто родился с физическими и психическими недостатками и по этой причине попал в разряд «исключенных»? Ведь им потребуется помощь, значение которой затемняется в новой семантике справедливости.

Указанные выше социальные и семантические сдвиги в понимании справедливости являются, на наш взгляд, достаточными для того, чтобы оправдать теоретический интерес к ней. Мы полагаем, что главной проблемой является структурная несправедливость, а именно, такое устройство современных обществ, которое с неизбежностью продуцирует несправедливость и делает невозможным её уменьшение и упразднение. Культурализация справедливости, следствием которой явилась её плюрализация, лишь затемняет указанный выше факт и отвлекает внимание от подлинной причины несправедливости. Создание базовой структуры общества, минимизирующей социально-экономические предпосылки несправедливости, даст возможность более гибкого обращения с культурными различиями, позволит исключить их из дискурса справедливости.

Прежде, чем приступить к обоснованию тезиса о структурных основаниях справедливости, есть смысл прояснить историю концептуализации справедливости, ключевые позиции наиболее влиятельных теорий в этой области, а также существующие методологические подходы.

Немного истории

Сразу оговоримся, что нас интересует не процессуальная справедливость, с которой имеют дело в большей степени юристы, а справедливость как индивидуальная и социальная добродетель, а также как важное условие социального бытия, гарантия его уравновешенности. Юридическая справедливость – производная от бытийной справедливости.

Как уже отмечалось выше, понятие справедливости оказывается не в лучшем положении, чем понятие истины или времени. У каждого есть свое определение, однако, когда требуется сказать, что в той или иной ситуации является справедливым или несправедливым, или в каком случае процедура считается справедливой, начинаются споры. Еще Аристотель различал множество форм справедливости, а за прошедшие две с половиной тысячи лет ситуация не стала проще.

Разногласия начинаются с вопроса об объекте, к которому применим предикат «справедливого». Уже у Платона и Аристотеля намечаются разные решения. В первой книге «Государства» Платон приводит старую формулировку греческого поэта Симонида, которую позже римский юрист Ульпиан выразил латинской формулой «Каждому своё»: «Справедливость есть постоянная, продолжительная воля каждого получить причитающееся ему». Действие является справедливым в том случае, если каждому причитается его доля, если равные обсуждаются равно, а неравные – неодинаково. Аристотель посвятил справедливости значительную часть «Никомаховой этики», что является косвенным свидетельством того, что он считал её центральной категорией этики. Поскольку предметом этики является человеческое действие, то вопросы справедливости ставятся действующими людьми, которые ответственно относятся к своей ситуации и могут её изменить. Кроме того, вопросы справедливости касаются отношений между людьми, в которых что-то притязания считаются обоснованными, а что-то – нет.

Аристотель дал очень перспективное определение справедливости. В первую очередь он рассматривал её как высшую добродетель человеческого характера. Но справедливость является также и принципом социального порядка, в соответствии с которым каждый занимает в обществе место, которое причитается ему по порядку справедливости. Эту платоновскую дефиницию Аристотель использует для второго, решающего различения понятия справедливости. Его дифференцирование понятия справедливости и сегодня определяет философские дебаты. В особенности предложенное им различие распределяющей (дистрибутивной) и уравнивающей справедливости.

Из представителей античной мысли интерес представляют взгляды стоиков, которые первыми обратили внимания не на социальный, а на космический характер справедливости. Они исходили из убеждения, что Вселенная устроена рационально, подчиняется универсальным законам, а человек, будучи рациональным существом, в состоянии эти законы познавать и следовать им в жизни. Справедливость в понимании стоиков – это жизнь в согласии с разумным устройством космоса, которое нашло воплощение и в государственном законодательстве.

В средние века справедливость рассматривалась в рамках теологических представлений о мире, и квинтэссенцией такого понимания считается учение Августина Блаженного о Граде Божьем как вместилище справедливости. Эту традицию продолжил Фома Аквинский, также утверждавший, что справедливость может быть гарантирована только в христианском государстве. В его концепции справедливости нашёл отражение спор между номиналистами и реалистами относительно статуса общих понятий, в том

числе и понятия справедливости. Речь идет о вечной, естественной, человеческой и божественной справедливости.

Новое время заложило традицию в исследовании справедливости, длившуюся три столетия. Последним аккордом этой традиции стала теория Джона Ролза, в которой он попытался осуществить её «перезагрузку», но в действительности поспособствовал её окончательному уходу в историю. Справедливость рассматривалась большинством авторов, обращавшихся к ней, как составляющая либерально-демократического общественного устройства. Разработкой принципов последнего занимались Дж. Локк, Т. Гоббс, Ш.-Л. Монтескье, И. Кант и другие авторитетные деятели эпохи модерна. Центральное место в модели либерального государства занимает идея нормативной нейтральности, в соответствии с которой ценностные представления индивидов не могут быть предметом манипулирования со стороны власти. В каких богов веруют люди, какую одежду они предпочитают носить и что считают хорошим, а что – плохим, является их личным делом. В этом они различны. Но перед законом – одинаковы, а потому справедливость начинает интерпретироваться как равенство прав и обязанностей. Философским и методологическим основанием такого подхода стала научная рациональность, понимаемая как ясность, прозрачность, калькулируемость и контролируемость мыслительных и практических процессов. Примером может служить доказательство Бенедиктом Спинозой аксиоматической природы моральных и политических принципов. Томас Гоббс также настаивал на применении к исследованию справедливости строгих методов эмпирического анализа и был радикальным противником метафизических рассуждений по этому предмету. Он настаивал на том, что определение справедливости должно учитывать весь контекст эмпирических фактов, относящихся к структуре власти и правления в обществе. Давид Юм исходил из того, что справедливость должна играть ключевую роль в гармонизации разнородных общественных сил и интересов, а значит – быть основой порядка и стабильности. Отношения собственности он считал базисными при определении справедливости.

Ключевой фигурой либеральной традиции понимания справедливости считается И. Кант, который первым ввел различие моральной и юридической справедливости. Будучи последовательным сторонником рационалистической философии, Кант считал только разум источником всех когнитивных и нормативных определенностей. Справедливости в том числе. Поэтому она может быть реализована только при таком общественном устройстве, которое признает автономию человеческого разума. При этом он не исключал принудительного насаждения справедливого правового порядка, и отдавал юридической справедливости первенство по отношению к моральной справедливости. То есть, юридическая справедливость является условием возможности моральной справедливости.

Дальнейшее обоснование и укрепление либерального понимания справедливости происходило в работах классиков этико-правового утилитаризма – И. Бентама, Дж. Ст. Милля и Дж. Остина. Общим для них моментом было неприятие естественно-правовых учений, отождествляющих природные и социальные законы. Они были убеждены, что только история и опыт могут быть источниками права, а о справедливости имеет смысл говорить лишь в контексте определенного политико-правового устройства. С Кантом утилитаристы были согласны в том, что в общество должно быть устроено таким образом, чтобы каждый мог реализовать свой нравственный потенциал. Вместо поиска

метафизической справедливости следует сосредоточиться на её социальных, экономических и политических импликациях.

С конца XIX и на всем протяжении XX столетия либерализм подвергался и внутренней эрозии, и внешним нападкам. В первую очередь из-за того, что постулируемые им принципы справедливости не согласовывались с практикой классической рыночной экономики. Как последняя ни старалась приобрести «человеческое лицо», богатые при ней продолжали богатеть, а бедные становились еще беднее. На этом фоне появилась книга Джона Ролза «Теория справедливости», в которой была представлена неоклассическая либеральная концепция справедливости, положившая начало длительной и плодотворной дискуссии, результатом которой стало появление альтернативных концепций справедливости. Адептов и критиков Ролза – несть числа, поэтому нет смысла в подробной характеристике его позиции. Из отечественных авторов первое обстоятельное изложение взглядов американского философа принадлежит Т. Алексеевой [1].

Ролз рассматривает справедливость как принцип социальной организации, делая акцент на такие её аспекты, как равенство и неравенство. Люди, безусловно, должны быть равны в правах, и это равенство должно быть закреплено законом. Они равны при распределении социальных ценностей. Однако справедливым будет и неравенство, когда оно не ущемляет права наиболее уязвимых членов общества.

Определение справедливости, которое дает Ролз, базируется на двух принципах:

1. Принципе равенства: каждый человек должен обладать равным правом в отношении наиболее обширной системы равных основных свобод, совместимой с подобными свободами для всех остальных людей.

2. Принципе дифференциации: социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, чтобы: а) от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех и б) доступ к положениям и должностям был открыт всем.

Дебаты вокруг ролзовской теории привели к оформлению нового понимания справедливости, которое получило название «коммунитаристского проекта». Объединенные в его рамках авторы исходят из двух принципиальных соображений относительно справедливости:

1. Справедливость – это нормативное понятие, то есть, является благом со всеми вытекающими из этого следствиями.

2. Справедливость формируется под влиянием социокультурного контекста, а потому реально существует только в форме локальной справедливости.

На нормативном характере справедливости особенно настаивает А. Хоннет, который встраивает понятие справедливости в концепт «хорошего общества». Таковым он определяет общество, в котором определенные ценности предпочитают другим ценностям и выполняют функцию социального цемента. Справедливость он отождествляет с «признанием», которое понимает как внимание к полноте человеческой идентичности. Соответственно, пренебрежение определенной Самостью, отказ от включения её составляющих в критерии справедливости, квалифицируется как высшая

несправедливость [2]. Показателями социального признания Хоннет объявляет любовь, равноправие и внимание к индивидуальным заслугам. Соответственно, общественная структура, обеспечивающая такое признание, является справедливой.

Нэнси Фрезер, представительница феминистской версии коммунитаризма, предлагает «двумерную» концепцию справедливости, которая включает дистрибутивную сторону справедливости и культурную, которая содержит и аспект признания. Она исходит из того, что прежде, чем заботиться о праве индивида или социальной группы на признание их языка или религии, нужно обеспечить их необходимыми для физического существования благами. Иными словами – накормить и одеть. А это – задача социального распределения, которая может быть успешно решена только при справедливой базовой структуре общества.

Нобелевский лауреат, индийский экономист Амартия Сен, также настаивает на локальной природе справедливости и исходит из того, что индивидуальная и коллективная идентичность имеют сложный, составной характер, который не может универсализован. Составная идентичность (женщина, врач, католичка, немка) может проявиться в ситуации, которую Ролз назвал «первоначальной», и свести на нет возможность универсальной концепции. Например, в вопросе об абортах может сказаться её католическая вера, в вопросе о войне – женская природа, в вопросе о финансовой помощи Греции – её немецкое здравомыслие и чувство справедливости. Главный недостаток позиции Ролза Сен усматривает в том, что она не может быть реализована в универсальном масштабе, но вполне может использоваться в менее обширных и не столь структурированных формах.

Профессор Иерусалимского университета Авишай Маргалит, следуя коммунитаристской идее первенства блага над справедливостью, предлагает свой вариант «хорошего общества»: это такое общество, в котором отсутствуют институты, унижающие человека [3]. Он называет его «приличным» обществом, и утверждает, что у идеала «приличия» больше шансов быть реализованным, чем у идеала справедливости. Обращая на это внимание, Маргалит, по сути, указывает на общее уязвимое место коммунитаристского подхода: справедливость, будучи ценностью, а не фактом, недоступна аналитическому прояснению, она выражает лишь субъективные предпочтения людей и не может быть надежным социальным, политическим и правовым ориентиром. Кроме того, локализация справедливости, то есть, перемещение её на уровень конкретных ценностных сообществ, не исключает снижения несправедливости уже этих групп по отношению к индивидам.

Современное состояние разработки проблемы справедливости можно охарактеризовать как промежуточное: классические и постклассические подходы, к числу которых можно отнести и коммунитаристский, достигли пределов своих возможностей, в то время как политика справедливости нуждается в теоретическом обосновании.

Понятие социальной справедливости

В истории концептуализации справедливости выделились различные области, применительно к которым стали приняты соответствующие характеристики справедливого или несправедливого: отдельные лица, человеческие действия, правила,

процедуры, судьба, результат и бытие в целом. Эти области можно условно объединить в три группы:

1) Персональная или индивидуальная: как справедливые или несправедливые классифицируются люди, их поступки и оценки. Такой подход типичен для классической философии и теологии, в которых справедливость рассматривалась как совершенная, аристократическая добродетель. Оценка конкретного человека как справедливого считалась исчерпывающей нравственной характеристикой.

2) Метафизическая: справедливость Судьбы и миропорядка является предметом художественного дискурса в античных трагедиях. Греки были убеждены, что немилости судьбы – не случайность, а следствие проступков, совершенных или самим человеком, или его предками. Классическим примером считается судьба Эдипа. В религии метафизический аспект справедливости нашел отражение в проблеме теодицеи.

3) Социальная (институциональная): справедливыми или несправедливыми могут быть правила, законы, процедуры, институты, общественные порядки и экономические системы. Именно социальная справедливость чаще всего рассматривается как квинтэссенция справедливости, аккумулирующая в себя остальные её проявления. Поскольку целью данной работы является обоснование тезиса о том, что ключом к справедливости может быть базовая структура общества, то есть смысл более подробно проанализировать понятие социальной справедливости.

Робинзон, оказавшись на необитаемом острове, мог бы сетовать на несправедливость судьбы, осудившей его на одиночество, однако он понимал, что та же судьба оставила его в живых, а потому уже с его стороны было бы несправедливым жаловаться на неё. Речь в данном случае идет об уравнивающей справедливости. В дискуссиях о социальной справедливости, со времен Аристотеля, чаще всего имеется в виду справедливость распределения. Это вполне объяснимо, ибо общественная жизнь, как кооперация, предполагает объединение индивидуальных усилий и обмен продуктами персональной деятельности. От этого объединения каждый желает получить не меньше, чем он в него вложил.

Считается, что о социальной справедливости первой заговорила католическая церковь. Её представитель, сицилийский иезуит А. Тапарелли, писал: «Социальная справедливость для нас означает справедливость одних людей по отношению к другим. ... Поэтому я могу понимать это так, что социальная справедливость состоит в фактическом уравнивании всех людей в том, что касается общих прав человека; точно так же, как творец каждому человеку дал одинаковую человеческую натуру. Следовательно, человек, который действует по норме этой справедливости, выполняет намерение своего создателя» [4]. Социальная справедливость, таким образом, подразумевает принципиальное моральное равенство всех людей, а также их естественные, неотчуждаемые права. Дистрибутивная и коммуникативная, а также, в зависимости от ситуации, корректирующая справедливость, понимаются как следствия этой фундаментальной социальной справедливости. Стремление большинства современных исследователей свести социальную справедливость к области распределения, является необоснованным и затрудняет решение множества социальных проблем. Соглашаясь с этим, Джон Ролз назвал социальную справедливость «первой добродетелью социальных институтов». Её требования относятся не к результатам рыночных или, более широко,

обменных процессов, а к оформлению институциональных правил игры таких процессов. Если они справедливы, то справедливо и все остальное.

Классическими темами социальной справедливости являются:

- вопросы политической справедливости (например, право и границы свободы мнений, честный доступ к государственной службе);
- вопросы справедливости в экономической сфере (например, налоги);
- вопросы юридической справедливости (справедливость наказаний, восстановления несправедливости);
- вопросы справедливости в отношениях между полами;
- справедливость в семье;
- вопросы справедливости в отношениях между поколениями по вопросу о финансировании пенсий и сохранности окружающей среды;
- вопросы международной или глобальной справедливости (Юг-Север, честный доступ к мировым рынкам и т.д.).

Ценность социальной справедливости объясняется тем, что она является обязательным условием общественной солидарности. Общество есть результат компромисса между различными частными и групповыми интересами, носители которых сознают важность и неизбежность организованного совместного бытия, но, в то же время, заинтересованы в сохранении своей свободы и своих жизненных идеалов и ценностей. Поэтому главным условием возможности общества считается гармония единичных интересов и общего блага: частная свобода не должна нарушать целостность общества, а интересы общественной стабильности не должны подавлять частную свободу. Общества, в которых преодолена дихотомия частного интереса и общего блага, называют солидарными, понимая под последним такое качество социальной жизни, которое свидетельствует об отсутствии рассогласованности общественного бытия на всех уровнях. Солидарность означает прочность, надежность, сплоченность, а отсутствие солидарности квалифицируется как социальная патология.

Солидарность достигается разными способами, однако несомненным является факт: если в обществе обеспечена справедливость, то такое общество будет солидарным. Это можно выразить как пожелание: «Позаботьтесь о справедливости, и солидарность придет сама, как её следствие». Аристотель считал справедливость высшим социальным благом. Часто об отдельном человеке говорят как о справедливом или несправедливом, однако все равно имеют в виду его действия или решения относительно других людей. Поэтому, справедливость, в любом случае, есть не просто человеческий, но социальный феномен. Она выполняет функцию арматуры, на которой зиждется любое общество.

Смысл социальности в том, что посредством неё люди, с одной стороны, обнаруживают свою зависимость друг от друга, а, с другой стороны, посредством неё они обретают свою идентичность, индивидуальную Самость. Значение различных способов и форм социальности состоит, таким образом, в их способности реализовывать указанные выше смыслы. Идеальными можно назвать такие из них, в которых вклад каждого отдельного индивида получает соразмерную отдачу. Принято считать, что любое целое не равно арифметической сумме входящих в него частей, поскольку должна быть какая-то сила, которая «склеивает» индивидуальные вклады и усилия в общий результат. Иными

словами, вклад каждого должен быть больше, чем отдача, поскольку требуется своего рода «налог» на обслуживание социального механизма. Собственно, величина этого «налога» является главным камнем преткновения в функционировании общества, причиной большинства его проблем. Человек задается вопросом: «Почему я работаю, служу, плачу налоги, исполняю повинности, а получаю меньше, чем тот, кто не настолько усерден, как я?» То, что за «крышу» нужно платить, понимали и древние люди, степень зависимости которых друг от друга была намного больше, чем в современных обществах. Но там «адресатами» этой платы были понятные и осязаемые инстанции: тотем, божество, вождь, жрец. Её распределение между членами общины осуществлялось по прозрачной для всех схеме, а возникающие недоразумения решались так же по понятным и признаваемым правилам. Усложнение общественной жизни породило то, что называют «проблемой справедливости». Это сознание (ощущение) того, что общество не дает индивидам, в него входящим, ожидаемого. Тема справедливости возникает тогда, когда возникает несправедливость. Так часто бывает: отсутствие чего-то, жизненно необходимого, становится поводом для того, чтобы задуматься о нем. Примечательно то, что большинство людей интуитивно чувствуют несправедливость, но дать внятное объяснение справедливости, не говоря уже о её дефиниции, может далеко не всякий социальный теоретик и философ. Если обобщить эти интуитивные представления о справедливости, то они укладываются в общую схему: «Справедливость – это когда каждый получает по заслугам!» Такое определение является слишком абстрактным и порождает много дополнительных вопросов. Главный из них: «Что является заслугами, и как их рассчитать (взвесить)?» Эта сложность, понимаемая и принимаемая древними и традиционными обществами, в современных обществах была упрощена тем, что проблему перевели в плоскость закона. Справедливость стала интерпретироваться исключительно как правосудность. Иными словами, критерием справедливости становится закон, а инстанцией, которая её обеспечивает – суд. Реакцией русского народа на это обстоятельство стала поговорка: «Поступи со мной не по суду, а по справедливости».

«Болевые точки» социальной справедливости известны. Есть относительное согласие по вопросу о том, почему указанные выше вопросы аккумулирует в себе тематику социальной справедливости. То есть, с обоснованием все более или менее нормально. Главная проблема – осуществление политики справедливости, поскольку это требует однозначного и общепринятого критерия. А его нет. Это хорошо видно на двух примерах.

Первый – из области трансплантации органов человека. Известно, что существует их дефицит, а потому конкретные люди, принимающие решение, кому пересадить почку, должны выбирать из очереди нуждающихся. Философские и богословские концепции утверждают, что все люди равны, жизнь каждого – уникальна. Однако в конкретном случае необходимо сделать выбор, он делается и заведомо является несправедливым. Например, выбирать следует между отцом семейства, на иждивении которого находятся пятеро несовершеннолетних детей, гениальным молодым математиком и пожилым человеком, внесшим в прошлом большой вклад в развитие страны. Какой критерий будет справедливым?

Другой пример – система социальных трансфертов. Она включает в себя различные виды вспомоществования людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, что соответствует идее социального государства. Но одним из следствий этой системы является иждивенчество граждан, заключающееся в том, что привыкшие существовать за

счет помощи государства граждане не предпринимают усилий для улучшения своего положения. И их число множится. Это несправедливо по отношению к тем людям, на налогах которых зиждется данная система. И все чаще раздаются голоса, призывающие ограничить получателей трансфертов в избирательных правах: если человек не может устроить свою собственную жизнь, как он может участвовать в общественных делах?

Ролз придерживался эгалитарной точки зрения по этому вопросу, выразив её в известном принципе дифференциации. Один из его оппонентов, германский философ Вольфганг Кёрстинг, напротив, настаивает на том, что социальная справедливость состоит в возвышении наиболее достойных людей [5]. Спор между ними не имеет перспектив разрешения, поскольку он относится к нормативной области. А это означает, что в нем только фиксируется расхождение позиций, но не указываются способы и пути их сближения.

Приведенные два примера позволяют, на наш взгляд, сделать вывод, что подлинная проблема справедливости коренится не в сфере обоснования, а в сфере применения. Джон Ролз, первоначально презентовавший свою теорию справедливости как универсальную, впоследствии признал, что она применима только в рамках западной либеральной политической культуры. Причина трудностей в применении принципа справедливости заключается не столько в том, что этические споры сложно разрешимы, сколько в том, что действительность, в которой мы живем и действуем, является слишком сложной.

На подобное развитие событий в плоскости применения этических ценностей указывал Макс Вебер, причем в той же работе, где несколькими строками выше он заявляет о безысходной и смертельной борьбе разнородных представлений о жизни. Он обращал внимание на повседневную жизнь обычных людей, которые, сталкиваясь в каждодневной жизни с конфликтами нормативного характера, в большинстве случаев решают их, опираясь на житейскую мудрость, практическую рациональность, не подозревая, что эти конфликты, по мнению теоретиков, неразрешимы. Вебер пишет: «Между этими последними ценностями и идеалами не существует компромиссов и смягчений. Обращаем внимание: не существует согласно смыслу. В действительности же компромиссы существуют, и мы встречаемся с ними на каждом шагу. Люди в реальных жизненных ситуациях вольно или невольно смешивают ценностные сферы. *Выравнивающая роль «повседневности»* состоит в том, что живущие простой жизнью люди, отчасти психологически, отчасти из прагматических соображений не сознают смешения враждебных друг другу ценностей и, более того, не хотят этого сознавать, поскольку тем самым они уходят от необходимости выбора между «богом» и «чёртом» и, соответственно, от того, какие из ценностей причислить богу, а какие – черту» [6].

Выход из сложившейся ситуации видится в том, чтобы отказаться от создания всеобъемлющих теорий справедливости, время которых еще не подошло, а сосредоточиться на «выпекании малых хлебов», то есть поиске конкретных единичных решений для конкретных единичных ситуаций. Такой подход можно назвать тактикой флексибельной справедливости, и его вполне можно считать актуальным вариантом классического *sum cuique* (каждому свое). Осуществить справедливость – значит определить каждому свое место в соответствии с его достоинством. Это непростая задача, она требует знания общей перспективы и знания места, которое в этой перспективе занимает отдельный человек.

Итак, справедливость – это когда каждый получает по заслугам. Такое толкование указывает направление философского дискурса справедливости, который отражает общий тренд современности - внимание к различию. Он вовсе не означает, что философия отказывается от своей миссии быть инстанцией всеобщего. Речь идет лишь о том, что объектом концептуализации становится единичный объект, представляющий собой ситуационное «стягивание» его сущностных параметров. Единичное, таким образом, рассматривается как репрезентация общего, но при этом акцент делается не на общих чертах, роднящих это единичное с другими единицами (сингуляриями), а на исключительно индивидуальных, тех, что образуют Самость вещи именно как *этой* вещи. Бытие как целое существует за счет различия, и чем это различие более многочисленно, тем устойчивее само целое. Например, жизнь как феномен представлена сколькими-то миллиардами видов, большая часть из которых – вирусы и бактерии. Если бы это число было небольшим, скажем два или три, то велик бы был риск полного исчезновения жизни из-за случайного стечения неблагоприятных факторов. Единичное, следовательно, обладает ценностью, занимает исключительное место в составе бытия и поэтому нуждается во внимании и защите. Разумеется, не всякое единичное, а то, которое обладает самостоятельным статусом. В природе таковыми являются виды, а в человеческом обществе – индивиды.

Принцип *sum cuique* базируется на предпосылке, что у каждого человека есть свое место в бытии, которое не дается от рождения, но приобретается в ходе индивидуации, за который каждый отвечает персонально. Потому что социальная жизнь имеет смысл лишь в том случае, когда различные индивиды, объединяя свои усилия, обеспечивают воспроизводство родовой сущности человека. Жизнь отдельного человека и человеческих сообществ (рас, этносов, государств) не принадлежит только им, не является их собственностью, а представляет часть общего плана, необходимый фрагмент бытия. Без их индивидуального, а значит – уникального вклада, бытие не обретет своей полноты и завершенности. Помимо того, что каждый индивид отвечает за то, чтобы стать человеком, соответствующим социально и культурно обусловленным параметрам «человечности», он держит ответ и перед конкретным социальным и культурным окружением, в которое интегрирован по месту рождения. Быть сыном, мужем, отцом, соседом, гражданином государства - это элементарные обязанности, для сознания которых не обязательно быть философом. За исполнение этих обязанностей каждый несет персональную ответственность. Это есть то самое «его», которое принимает во внимание формула справедливости - *sum cuique*.

Справедливость, таким образом, предполагает максимальную экспликацию потенциала объекта, его идентификацию. Он должен стать самим собой. В природе это сделал её Создатель, который определил каждому своему творению его место. Здесь идентичность вещи определяется тем, насколько она тождественна виду, который является одновременно и нормой. Если эта вещь (животное, растение, неорганический элемент) отклоняется от этой нормы – она долго не просуществует. Живая природа – это вообще длинная и закольцованная пищевая цепочка, в которой справедливость заключается в том, что лев питается антилопой, а последняя живет за счет растительной пищи. И так далее. По-другому быть не может. По-другому – это уже несправедливость.

У человека все обстоит иначе. Он создан со свободной волей, а это означает, среди прочего, что последнюю точку в свой идентичности ставит он сам. Природа создает

своего рода «заготовку», каковой является вид *Homo Sapiens*. А индивидуальная «доводка» происходит посредством усилий самого индивида. Этому обязательно предшествует процедура самоидентификации, познания себя. Она осуществляется через рефлексию, способность к которой имеется у большинства людей. Проблема, однако, состоит в том, что идентичность отдельного человека складывается из ресурсов, которые принадлежат не только ему одному. И не только индивида: рода, племени, этнической группы, народа. Все они складываются в качестве уникальных, единственных в своем роде «единиц», заимствуя строительный материал для этого отовсюду: от родителей, в основном физические и духовные особенности, болезни, в том числе; от непосредственного социального окружения, в качестве которого выступает община, деревня, городской двор и квартал, религиозная группа; от государства; от человечества в целом, имея в виду духовные и культурные ресурсы, которые каждый усваивает и осваивает в процессе инкультурации и социализации. Разумеется, эти ресурсы «складываются» в единое целое, называемое «идентичностью» индивида, не сами собой, а при активном участии различных сил, ведущей из которых является сам индивид. Ему может достаться от родителей хорошее физическое и психическое здоровье, плюс предрасположенность к какому-либо виду деятельности. А он не воспользуется этим даром. Пропьет, пустит на ветер, разменяет на мелочи. Такое случается довольно часто. И это – несправедливо, потому что человек, используя богатство, которое создавали другие, ничего не отдал взамен. Родителям, общине, государству, человечеству в целом.

Справедливость в контексте принципа индивидуации выглядит как мера, уравнивающая различия в составе целого таким образом, чтобы каждое из них занимало строго свое место. Но вопрос об источнике этой меры и инстанциях справедливости не имеет однозначного ответа. А. Макинтайр, исследуя моральную атмосферу греческого полиса, пришел к выводу, что там индивиды оценивались в соответствии со своим местом в социальной структуре, которое они должны были не просто занимать, но добиваться и отстаивать [7]. Они верили в справедливое устройство космоса, и когда в их жизни наступали тяжелые времена, причину немилости Судьбы они искали в самих себе или в ближайшем окружении, с которым они связаны родственными узами. Значит, они нарушили бытийный порядок, и силы, управляющие этим порядком, вынуждены, для восстановления равновесия, наказать виновников. Людям остается только вопрошать богов или другие сущности, управляющие бытием, о причинах гнева, и по мере возможности, исправляться, чем-то жертвуя.

Особенно отчетливо такое ощущение и понимание справедливости присутствует в древнегреческих мифах и в литературе классического периода, прежде всего, в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида. Мифологические персонажи, герои Гомера и греческих трагедий связаны между собой запутанной сетью прямых и опосредованных отношений, в которой разобраться могут только боги и их оракулы. Причем вина за нарушенное равновесие, а значит – за попорченную справедливость, – ложится на отдельного индивида, а на его род. Поэтому возмездие может настичь любого из его представителей, чаще всего – через несколько поколений. Эдип, несчастной судьбе которого сочувствовали все греки, тем не менее, признавал справедливость постигшего его наказания, поскольку знал, что он страдает за прегрешения своего отца. Геракл из одноименной трагедии «Еврипида», в припадке безумной ярости убивший своих детей, так же убежден, что безумие на него наслали боги, чтобы покарать за грехи предков.

Геродот в своей «Истории» довольно часто приводит примеры наказания потомков за дела их предков. Так, описывая переход власти от рода Гераклидов к роду Мермнадов, он приводит слова оракула о том, что Гераклиды получают возмездие в пятом потомке Мермнадов. Этим потомком был Крез, поучительная судьба которого известна тем, кто интересуется древней историей.

Вера в иррациональность Судьбы сформировала у греков «философское» отношение к жизни: «Никто не сможет считаться счастливым до тех пор, пока не умер». Это убеждение красной нитью вплетено в произведения античных драматургов и философов. Но насколько Судьба (Рок) справедлива? Её часто наделяют такими эпитетами, как «слепая», «неотвратимая», «иррациональная» и другие. Часто сетуют на несправедливость судьбы. Но те же греки, обожествляя Судьбу, вовсе не считали её иррациональной и несправедливой. За всеми хитросплетениями человеческой жизни можно, при желании, проследить определенную логику. Она состоит в том, что поведение человека хотя и детерминировано, но и свободно одновременно. Поэтому он должен отвечать за содержание и результаты своих поступков. И эта ответственность наступает, если не сразу, то по прошествии времени – точно. Предварительный итог подводит смерть. Но скверна, если она имела место, может проявиться и в последующих поколениях, представители которых ответят за неё. Это и будет означать справедливость, понимаемая как воздаяние, направленное на восстановление равновесия.

Таким образом, справедливость, с того момента, когда она становится объектом осмысления, связывается с человеческими поступками. Это первый момент, который можно считать установленным и согласованным. Другой момент, менее бесспорный, заключается в том, что источником справедливости и несправедливости является сам человек. Он, в силу, видимо, свободной воли, нарушает гармонию, меру, а потому должен быть наказан. Но уже у греков возмездие или наказание воспринимаются безропотно, и уже у них наблюдаются попытки усомниться в справедливости приговора. Несправедливость видится в том, что я должен отвечать не за свои конкретно поступки, а за поступки своих предков. В некоторых случаях – до седьмого колена. На уровне здравого смысла это понимание встречается в других культурах. Герой повести Н.С. Лескова «Павлин» воспринимался обитателями дома, где он исполнял обязанности швейцара, бездушным и жестоким человеком, «палачом» хозяйки дома, за малейшую задержку квартплаты выставляющий на улицу семьи с грудными людьми. В минуту откровения он дает такое нравственное объяснение своей позиции: «Я не жестокое сердце имею, а с практики взял, что всякий в своей беде много сам виноват, а потворство к тому людей еще более располагает. Надо помогать человеку не послаблением, так как от этого человек еще более слабнет, а надо помогать ему на ноги становиться и о себе вдаль основательно думать, чтоб мог от немилостивых людей сам себя оберегать» [8].

Мы полагаем, что в такой интерпретации справедливости содержится указание на то, что человек – несамодостаточная Самость, а «встроен» в бытие, является его неотъемлемой частью, пользуется общими ресурсами, а потому несет на себе и долю ответственности за него. Это значит, что каждый отвечает за свой род и за свой полис (государство). Каким образом? – Участием или неучастием в его делах. И.В. Сталину приписывают слова: «Сын за отца не отвечает», которые стали «крылатыми», и произносятся часто не к месту. У современного человека истинность этого суждения не вызывает сомнений, потому, что между отцом и сыном существует прямая причинная и

генетическая связь. Но у греков, да и во многих других традиционных обществах, ситуация мыслилась иначе: «Сын отвечает за отца». Институт кровной мести, в различных формах до сих пор существующий у многих народов, допускает месть по отношению к родственникам виновника преступления. И конечной его целью является справедливость: прежде чем совершить проступок, подумай, что за него могут ответить твои братья, дети внуки. Будь осмотрительным!

Справедливость в традиционном обществе является важной индивидуальной добродетелью, и, вдобавок к этому, важным ингредиентом социального цемента более или менее гомогенных в нормативном отношении обществ. То есть таких, в которых представления о благе и способах достижения благой жизни понятны их членам, а инстанцией справедливости является «голос морали». Индивид оценивается в соответствии со своим местом в социальной иерархии (структуре), которое он не просто занимает, но занимает по праву. То есть обладает необходимыми для этого свойствами и способностями.

Греки классического периода своей истории очень трепетно относились к вопросам социальной иерархии, прав и обязанностей члена полиса. Каждый гражданин мог выдвинуться и доказать свое превосходство в политической и военной области, став победителем в соревнованиях (агонах), которые греки устраивали по разным поводам. Победителей чествовали, награждали, прославляли. И это было важным компонентом справедливости. Если же заслуги и достижения человека, его вклад в общее дело не оценивался по достоинству, это расценивалось как несправедливость.

Несомненным для такого понимания справедливости было следующее: в том, что с тобой произошло, повинен (отчасти) и ты, поскольку принадлежишь к определенному целому (обществу), «пропитан» его влиянием и участвуешь в его делах. Сложившийся порядок прошел проверку временем, доказал свою жизнеспособность, а потому – справедлив. Даже в современной Индии много сторонников кастового порядка. Иерархическая структура с прочными перегородками между социальными слоями и группами отличается ясностью требований, предъявляемых к каждому индивиду, а внутри ступеней существуют свои критерии выделения лучших. Перегородки же между слоями и группами, хотя и были прочными и непроницаемыми, редко когда «достигают Неба», а потому наиболее выдающиеся люди имеют возможность повысить свой статус. Остальные воспринимают иерархический порядок как нормальный и справедливый, покорно принимают свою Судьбу.

Таким образом, даже несмотря на массу случайностей, которые неизбежно сопровождают человеческую жизнь, в её «сухом остатке» остается результат, который доступен аналитическому прояснению. В том числе и на предмет того, справедлив или несправедлив этот результат (итог).

Установленным является и тот факт, что справедливость никогда и нигде не ассоциировалась с равенством в распределении общих благ. Это вытекает из самой сущности общественной жизни, которая представлена различными способами и формами объединения людей, выражающими факт их зависимости друг от друга. В объединении одинаковых людей нет смысла. Как говорил философ Э.В. Ильенков, это было бы умноженное одиночество. Но чтобы общество действительно способствовало соединению индивидов с разной идентичностью, дополняющих себя в этом объединении до целого, его устройство, то есть социальная структура, должно быть справедливым. Мы,

таким образом, подходим к тому тезису, который был сформулирован в начале работы: ключ к справедливому социальному устройству скрыт в социальной структуре общества.

Социальная структура как основание справедливости

Особенностью современных обществ является их большая дифференцированность, причину которой связывают с изменениями в содержании общественного производства: оно стало высокотехнологичным, значительную роль в нем занимает сфера услуг, а одним из наиболее востребованных товаров сегодня считается информация. Вследствие этих трансформаций, работа за станком, в поле, на транспорте, иными словами, физический труд, с которым традиционно связывается создание общественного богатства, отступил на второй план, а в рейтинге профессиональных занятий первые места занимают люди, непосредственно не связанные с материальным производством: банкиры, биржевые аналитики и маклеры, представители IT-индустрии, офисные клерки. Появление множества новых профессий и дробление прежних кардинально изменило картину общественной жизни и потребовало пересмотра критериев справедливости. Американский философ Майкл Уолцер, один из последовательных критиков ролзовской теории, утверждает, что в современном плюральном обществе не может быть единого подхода к определению справедливости, а потому целесообразно исходить из локального контекста, то есть, из особенностей конкретной социальной области: «Каждое благо должно распределяться в соответствии с критериями значимости своей собственной сферы» [9]. Это, среди прочего, означает асимметрию принципа распределения: если человек, в силу принадлежности к определенной сфере, пользуется её благами, то это не значит, что и в других сферах общественной жизни ему полагаются те же блага. К примеру, генерал, обладающий властью и авторитетом в армии, не может автоматически претендовать на такую же власть и авторитет в сфере экономики или науки. После исследования различных сфер справедливости Уолцер делает категоричный вывод: «Любое конкретное описание дистрибутивной справедливости окрашено в локальные цвета» [10].

Обоснованность такого утверждения отчасти подтверждается эмпирическими исследованиями, показывающими, что критерии справедливого распределения значительно различаются по содержанию, месту и времени. Попытки найти обобщающий критерий сводятся к поиску компромиссов, исключений и являются неблагодарным занятием. Находясь в одном социальном пространстве, но в разных его секторах, индивиды и группы, имеющие разные представления о справедливости, неизбежно вступают в разногласия, по многим жизненно важным вопросам, перерастающие в конфликты. Практическая сторона этой проблемы состоит в необходимости создания структуры, способной нейтрализовать негативные последствия столкновения разных стандартов справедливости посредством выработки приемлемой для всех формулы общей справедливости. Теоретический аспект проблемы заключается в поиске или создании дискурса, способного выступить в качестве обобщающей инстанции для частных теорий справедливости.

В общем виде проблему справедливости в разделенном по сферам обществе можно выразить в форме вопрошания: «Неужели представления о справедливости, типичные для

учителей средней школы радикально отличаются от подобных представлений у врачей районной поликлиники и чиновников городской администрации? Разве верующие-католики понимают справедливость принципиально иначе, чем верующие-мусульмане?» Выше уже приводились слова Макса Вебера о том, что в ходе повседневной жизни люди давно научились разрешать конфликты в нормативной сфере, над которыми безуспешно ломают головы социальные теоретики. На локальном уровне выравнивающая функция повседневности возможно и помогает минимизировать ценностные различия, но было бы легкомысленно рассчитывать на неё при выработке критериев справедливости в рамках государства. Здесь требуется активная политика, объектом и целью которой должна стать социальная структура общества.

Смысл социальности состоит в интеграции частных усилий для достижения общей для всех участников задачи и через это - более полного удовлетворения индивидуальных потребностей. Сбалансированность общего и индивидуальных интересов – важнейший показатель общественного «здоровья», включающий в себя, в том числе, и согласие по стандарту и критериям справедливости. Костяк любой социальной общности – его структура, минимальный состав которой включает в себя большие и малые социальные общности, а также институты и практики, систематизирующие и организующие совместную деятельность. Социальная структура может быть определена как система опосредствований, выравнивающая эту зависимость с точки зрения конечной цели объединения. Одним из условий устойчивости социальной структуры является справедливость, понимаемая в самом общем виде как соразмерность между вкладом индивидов в общее дело и получаемой от этого выгодой. Справедливость социальной структуры определяющим способом влияет и на справедливость производных от неё социальных феноменов.

Каковы признаки справедливой социальной структуры? Чтобы ответить на этот вопрос еще раз обратимся к содержанию и целям социальности. Будучи несамодостаточными, индивиды, для восполнения своей неполноты, вступают в обмен друг с другом, который внешне напоминает рыночные отношения. При этом каждый стремится получить не меньше, чем он вложил. Гражданин платит налоги, выполняет различные обязанности для того, чтобы быть спокойным за свою личную безопасность, сохранность своей собственности, иметь хорошие дороги и другие блага, обеспечить которые можно только за счет кооперации. Если его вклад превышает отдачу, он вправе говорить о несправедливости такого социального обмена. Точно так же несправедливым будет, если он получит больше, чем вложил. Аристотель назвал такую форму справедливости дистрибутивной, заметив, что она состоит в равномерности между вкладом и воздаянием. Это показатель меры в отношениях между членами одного общества.

Очевидно, что участники общественного обмена должны обладать таким «социальным товаром», который востребован и конкурентоспособен на этом рынке. Речь идет о профессиональных и социальных ролях, посредством которых индивиды обеспечивают свою жизнь. Их перечень определяется производительным базисом общества: в земледельческих общинах основной профессией является земледелец, в промысловых – охотник или рыболов, в торговых – купец, судовладелец, специалист по транспортировке грузов. Базовая структура общества диктует состав и расстановку участников общественного обмена. Она же стимулирует людей овладевать теми

профессиями, знаниями и умениями, которые востребованы и при условии успешного ими овладения гарантируют успешный социальный обмен. «Вес» каждой роли хорошо известен, он определяется её востребованностью, сложностью, затратами на обучение и профессиональный рост. Крестьянский труд тяжел, однако несложен и любой физически и психически здоровый человек может им овладеть. Но уже сложнее работа кузнеца или столяра, не говоря уже о профессии врача. Соответственно, число людей, способных овладеть лечебным делом значительно меньше, чем численность тех, кто в состоянии выполнять работу, не требующую длительного обучения и подготовки. Производственный базис общества в течение времени определяет необходимый для его существования состав участников, вырабатывает предъявляемые к ним требования и осуществляет их иерархизацию. Принципиальным является то, что «лишних» людей, то есть социальных иждивенцев, в этой структуре не должно быть. Каждый находится на своем месте и получает вознаграждение в соответствии с этим местом.

Справедливость базовой структуры общества проявляется в том, что никто не ест хлеб, который не заработал. Так должно быть в идеальном случае, но в реальности такая структура невозможна. По двум причинам. Во-первых, общественный механизм нуждается в управлении и обслуживании, который осуществляется людьми, не занимающимися производительным трудом. Их вклад в общее дело сложно рассчитать, и, соответственно сложно определить и вознаграждение. Чаще всего вклад и вознаграждение определяются самими «слугами общества». По причинам, здесь не рассматриваемым, доля такого непроизводительного труда непрерывно возрастает, а поскольку вознаграждение за него осуществляется за счет тех, кто занят трудом производительной работой, то справедливость базовой структуры общества становится проблематичной. Такое положение дел нашло отражение в русской поговорке: «Один с сошкой, а семеро с ложкой».

Современное общество настолько дифференцировано, что определить ценность и важность вклада каждой профессиональной практики довольно сложно. Однако – не невозможно. Все чаще задаются вопросы о справедливом устройстве общества, в котором молодой человек, гонящий мяч по футбольному полю «стоит» десятки миллионов евро, а токарь или школьный учитель зарабатывают за десять лет сумму, эквивалентную той, что модель получает за один выход на подиум. Вялые ссылки на то, что такое положение дел складывается в результате действий невидимой и свободной руки рынка, уже не удовлетворяют даже приверженцев либеральной идеи. Кризис, переживаемый современным западным обществом, порожден в первую очередь тем, что большинство граждан живут «не по карману», в долг, на деньги, которые они не заработали. Иждивенчество становится массовым явлением, используя для маскировки требования культурной идентичности. На повестку дня настоятельно прорывается вопрос о справедливости базовой структуры общества.

Второе обстоятельство, которое делает неудовлетворительным «механическую» справедливость, связано с тем, что в любом обществе есть люди с ограниченными физическими и психическими возможностями, которые не могут на равных со всеми участвовать в социальном обмене. Следовательно, в структуре общества должны быть предусмотрены механизмы их включения в этот обмен и обеспечения по отношению к ним оптимальной нормы справедливости.

Справедливость – это интегративный показатель, включающий в себя нормативные и фактические компоненты. Ограничиться только фактическим, калькулируемым аспектом справедливости, значит стать на путь несправедливости. Арифметический расчет соотношения между вкладом и воздаянием не учитывает многих вещей. В том числе и ценностных предпочтений людей, соображений нормативного порядка, которые препятствуют производительной или политической активности. Нормативный фон общества, представляющий собой совокупность обычаев, традиций, образа жизни, коренящегося в истории, этничности, религии и тому подобных вещах, влияет на структуру общества и, через неё, на состав и критерии справедливости. По этой причине некоторые виды деятельности могут быть неприемлемы для определенной категории жителей. В Индии, например, до сих пор сохраняются остатки кастовых ограничений, закрепляющих за представителями конкретных каст определенные виды деятельности. Некоторые виды деятельности относятся к числу неодобряемых или табуированных: ростовщичество во всех его формах считается нормальным для иудеев, но недопустимо для мусульман. Существуют ограничения гендерного характера и другие.

Таким образом, справедливость базовой структуры общества определяется объективными факторами, совпадающими с производительным базисом, и нормативными факторами, включающими в себя систему базовых ценностей, согласие по которым может быть эмпирически установлено. Критерием справедливости является консенсус между индивидами и социальными группами относительно того, как вознаграждается их вклад в общее дело. Проблема, однако, состоит в том, что экономическая, политическая и социальная субъектность современных обществ иная, чем в обществах индустриального типа. Постиндустриальное и информационное общество отодвинула на задний план людей, стоящих за станком и плугом и создающих материальный продукт. Высокие технологии и информация выступают в качестве основы современного производства и, соответственно, люди, создающие и обслуживающие их, выходят на авансцену. Производительность сельскохозяйственного труда определяется уже не крестьянином, встающим до зари и в поте лица работающим весь световой день, а учеными и технологами, создающими сорта, породы, корма и машины, многократно увеличивающие урожайность и продуктивность. То же самое можно сказать и о современном производстве.

Тем не менее, содержание современного производства не меняет сути базисных отношений, которые первым вскрыл и проанализировал Карл Маркс. Ценность его анализа заключается в том, что он, сделав акцент на способе материального производства, выделил отношения, позволяющие судить о справедливости социальной системы в целом. Это отношения, связанные с производством и распределением необходимых для жизни человека благ, а само распределение зависит от типа собственности на средства производства. То, что в современном производстве на смену рабочему за станком приходит программист или оператор устройства со сложным цифровым управлением, не меняет сути распределения полученного продукта: его осуществляет собственник средств производства. Программист, оператор производства, биотехнолог и другие представители современного производства – такие же наемные труженики, каковым был рабочий производства фордовского типа.

Вызывающим тревогу фактом, относящимся к устройству современного общества, является наличие «паразитирующих» элементов, которые находятся между

производителями и потребителями благ, живя за их счет. Примером могут быть искусственно создаваемые и поощряемые транзакционные издержки, перегруженный штат чиновников, посреднические структуры, создание монополий и т.д. Есть все основания говорить о «странах-паразитах», которые живут за счет явной или завуалированной эксплуатации ресурсов других народов, периодически «спуская пар» посредством намеренного провоцирования экономических кризисов и локальных войн.

Опыт истории, к сожалению, демонстрирует лишь один эффективный способ преодоления структурной несправедливости: внутри страны им является политическая революция, а в международных отношениях – война. Шекспир, устами одного из персонажей «Генриха IV» высказался по этому поводу так:

*Мне кажется, что временно, война -
Оздоровляющее потрясенье
Для тех, кто засорил себе кишки
Безбедной жизнью и объелся счастьем.*

Этот пессимистический сценарий, по которому происходила кардинальная перестройка социальной структуры конкретных обществ и структуры мирового порядка, не повод для того, чтобы прекратить поиск других путей и способов уменьшения несправедливости. Они как раз и необходимы для того, чтобы минимизировать последствия различий не на уровне социальной онтологии, а на надстроечном уровне, где они находят воплощение в различии культурных групп и индивидов.

Уровни справедливости

Минимальная социальная справедливость состоит уже в том, что индивида признают за человека. Не он сам считает себя таковым, а общество. На первичном, во многом примитивном, уровне нравственного сознания человек – это тот, кто такой же, как и я. То есть тот, кто такого же цвета кожи, говорит на одном языке и диалекте, принадлежит к тому же тотему, что и я, верит в тех же богов. Соответственно и критерии справедливости распространяются только на своих. Родина демократии, древняя Греция, трепетно относилась к справедливости, но распространяла её только на своих граждан. Варвары и рабы не считались объектами справедливости. Расширение объема понятия «человек» автоматически влечет за собой и расширение пространства справедливости.

Из признания индивида человеком вытекает такой минимум его прав, как личная безопасность и безопасность имущества. Но человека вообще не бывает. Поэтому идентификация идет по пути конкретизации понятия «человек»: по полу, возрасту, расе, национальности, социальному положению, профессии, религиозной принадлежности и т.д. Однако проблема заключается в том, что все конкретизирующие человека признаки являются различиями. Пол бывает мужским или женским, возраст дифференцирован еще больше, а расовая идентификация, с учетом метисации, представляет непростую задачу. Различия – это отличительный знак, своего рода стигма, которыми или дорожат, или, напротив, стараются пренебречь. И, независимо от того, как к различиям относятся, они объективно существуют, являются фактом. Но различия бывают разные. Различия между мужчиной и женщиной – существенные, относящиеся к области онтологии. Расовые,

этнические различия также оказывают существенное влияние на психический и ментальный склад людей. То, какое из различий важно, а какое нет, издавна является предметом споров на обыденном и теоретическом уровнях. Установлено, что статус различия определяется, во-первых, ролью, которую этот отличительный признак играет в жизни человеческих сообществ, и, во-вторых, тем, насколько носители различия считают его важным признаком своей идентичности. Например, «женскость» высоко ценится в тех обществах, где женщины играют ведущую роль в хозяйственной деятельности и в полигамных семьях. Но чаще всего женщины являются объектами дискриминации, имеют ограниченные, в сравнении с мужчинами права. Это было причиной возникновения движения за женское равноправие, идеологи которого настаивали на том, что женщины имеют равные с мужчинами права. По сути, речь идет о нивелировании различия между «мужским» и «женским» началами в человеческой природе. Насколько справедливо игнорирование различия в данном случае? – История показала, что поняв нелепость своих притязаний, современные теоретики феминизма скорректировали свою позицию и настаивают на том, что женщины являются особыми существами, а потому имеют право на «особые» права. Другой пример – цвет кожи или этничность. «Король поп-музыки» Майкл Джексон стыдился того, что он негроид, и предпринимал мыслимые и немыслимые попытки к тому, чтобы стать «белым». Не понимая того, что можно человека пересилить из Африки, но Африку из человека вытравить невозможно. И самое главное – не имеет никакого смысла.

Идентичность человека складывается из многих элементов, которые «склеиваются» в каждом конкретном случае уникальным образом, образуя в итоге неповторимую человеческую Самость. Один и тот же набор элементов дает иногда противоположные результаты. Можно использовать аналогию с приготовлением еды: одинаковый ассортимент продуктов дает на выходе различные блюда. Определяющим является мастерство повара. Но не только оно: значение имеют гастрономические традиции, религиозные ограничения, диета и т.д. Не все входящие в состав идентичности компоненты равновесны. Все зависит от принципа, идеи, ценности, которые соединяют эти компоненты в целое. Выявить его в конкретном случае – цель идентификации. Универсального рецепта не существует: в одном случае человека идентифицирует себя как мужчину, видящий смысл своей жизни в обеспечении и защите семьи, в другом случае на первый план выходят профессиональные добродетели, в третьем – религиозность.

На первый взгляд, детальная идентификация человека ведет к тому, что на выходе мы имеем такое многообразие и разнообразие индивидов, которое невозможно упорядочить посредством подведения под какой-либо общий знаменатель. Это делает проблематичным устойчивые формы и способы общения и затрудняет выработку критериев справедливости. По этой причине человеческие общества длительное время шли по пути наименьшего сопротивления, минимизируя различия, игнорируя индивидуальное и специфическое посредством объявление его несущественным и случайным. Такое решение было возможным по той причине, что объективно сознание различия еще не было развито, чаяния и надежды были связаны с общим, в угоду и жертву которому приносилось индивидуальное. Труд был слабо дифференцирован, социальная структура отличалась простотой и понятностью, индивидуальные притязания ограничивались множеством традиционных предписаний. Скрепками, удерживающими общества от распада, были родственная или этническая общность, религия, отфильтрованные в

течение длительного времени социальные нормы и, не в последнюю очередь, властная воля. Те же силы, что обеспечивали общественную целостность, были гарантами справедливости: солидарные общества – это всегда справедливые общества. Потому что найти общее, удовлетворяющее всех решение или норму распределения общих благ в таких обществах – относительно несложная задача. Различие рассматривалось как аномалия, и отношение к нему было такое же, как к шляпке гвоздя, приподнявшейся над поверхностью: рука сразу же тянется к молотку. Справедливость в данном случае состояла в том, что объектом защиты было общее, которое считалось гарантом благополучия единичного. Если возникали коллизии между общим и индивидуальным интересами, последним без колебаний жертвовали.

Различие (отличие) становится объектом внимания и защиты тогда, когда оно признается ценным и важным для общего дела, а также для носителей этого различия (отличия). Далеко не всегда первое и второе совпадает: определенная способность или талант, носителями которого могут быть немногие индивиды, признается обществом и достойно вознаграждается. В качестве примеров можно взять выдающихся ученых, художников, военачальников, религиозных пророков. Но в составе целого могут быть проблематические различия: этнические, религиозные, культурные, политические, экономические. Их носителями являются не единичные представители, а социальные группы, причем – многочисленные. Примером могут быть гугеноты во Франции XVI века, курды в Турции и Ираке, цыгане в Румынии и Болгарии, крестьяне в Англии XVII-XVIII столетий.

Таким образом, как только различие (отличие) становится существенным в составе общего целого и важным для персональной идентичности, оно попадает в сферу справедливости. Парадокс же состоит в том, что справедливым считается как забота о сохранении различия, так и его маргинализация или игнорирование.

Справедливость или несправедливость существуют в субъектно-объектной форме. Человеку, проживающему на берегах Потомака, представляется несправедливым, что женщины в Афганистане появляются в публичных местах только в бурке, однако сами эти женщины не считают себя ущемленными или пораженными в правах. Избирательные ограничения по возрасту или полу, существующие во многих традиционных странах, являются поводом для возмущения западных правозащитников, но не воспринимаются как несправедливые субъектами этого ограничения. Принципиально важно, чтобы индивиды и социальные группы были кровно заинтересованы в наличии или отсутствии элемента, отношение к которому выступает в качестве критерия справедливости.

Аристотелю принадлежит первое толкование истины, которое позже стали называть объективистским или «корреспондентским»: «Не потому ты бледен, что мы правильно считаем тебя бледным, а наоборот, именно потому, что ты бледен, мы, утверждающие это, говорим истину». К такому пониманию истины греческий мыслитель пришел в результате попыток разделить знание и мнение, при этом знанием он считал то, что позже стали называть «научным знанием», в отличие от мнения как субъективно окрашенного знания. Научное знание, по Аристотелю, имеет дело с тем, что может быть только так, а не иначе. Мнение же относится к вещам, которые могут быть так, а могут – и иначе. Иными словами, главным признаком научного знания является объективность, то есть независимость от познающего субъекта. Но этот критерий ставит под сомнение возможность достоверного знания о человеческих действиях, которые, как верно замечает

Аристотель, бывают разными. Причина этой «разности» в том, что обобщенной целью жизни каждого индивида является обретение блага, а в вопросе о содержании этого блага нет единогласия. Выход он видел в поиске общего понятия бага, с которым согласны все, и которое, будучи найденным и артикулированным, сможет служить обобщенной целью и критерием для оценки поступков. В том числе и на их справедливость.

Действующий человек, по Аристотелю, решает практический силлогизм, схема которого сходна с теоретическим силлогизмом. Обязательным компонентом этого практического силлогизма является то, что индивид должен совместить свои индивидуальные нормативные представления с общими стандартами. В случае со справедливостью, это означает, что свое субъективное представление о справедливости человек ориентирует на общепринятый критерий. Такое возможно, однако, только в ценностно однородных обществах, каким был греческий полис и другие, подобные ему, социально-культурные образования. По мере расширения социального пространства и его дифференциации, возможность выработки согласованной, удовлетворяющей всех концепции блага, стремится к нулю. А это значит, что более проблематичным становится поиск критерия справедливости. Поскольку же никакие формы и способы социальности не могут считаться устойчивыми, не будучи справедливыми, то на повестку дня встает вопрос о возможности достижения минимальной справедливости, которая гарантировала бы общественную стабильность. Этому условию соответствует такая форма справедливости, как правосудность или законность. Её инстанцией является государство, а сфера действия совпадает с законом или официальным, писанным правом.

Суждение типа: «Закон суров, но справедлив» в данном случае не выдерживает критики. Закон справедлив лишь отчасти, поскольку содержит «среднюю» норму справедливости, которая распространяется на всех людей без учета их персональной идентичности. Но в реальности существуют не средние, а конкретные индивиды, обладающие специфичной идентичностью, которую закон учесть не в состоянии, поскольку ориентирован на общее. За вычетом этого общего остается много того, чем индивид дорожит, считает для себя значимым. Поскольку закон не в состоянии учесть «особенное», требуется другие инстанции, способные сделать это. Коммунитаристы относят к таким инстанциям институты гражданского и «хорошего» общества.

Справедливость сегодня: гибкий подход

Итогом длительных попыток концептуализации справедливости является согласие в том, что не существует одного единственного критерия справедливости. Как не существует философского камня, дарующего его обладателю способность мгновенно прозревать истину, так нет и единого показателя справедливости. Справедливость уже не сводится к тому, что каждый одет, обут и имеет свою миску супа. Это – пройденный этап. В состав справедливости сейчас входит качественное образование, качественная медицина, доступ к государственной службе. Но это суждение не является общезначимым. Ведь и сейчас на Земле около миллиарда человек голодают, а три миллиарда – не получают полноценного питания. Для них справедливость заключается в том, чтобы не быть голодным и не быть произвольно убитым.

До тех пор, пока не появится убедительная метатеория справедливости, есть смысл перейти к тактике малых дел, то есть опираться в своем осуществлении политики

справедливости на ресурсы, которые имеются под рукой. Выше мы назвали такой подход флексибельным, поскольку он требует от лиц и инстанций, его практикующих, чрезвычайной гибкости. Помимо здравого смысла и опыта, под этот подход может быть подведено методологическое основание, на роль которого хорошо подходит концепт трансверсальной рациональности, разрабатываемый современным германским философом Вольфгангом Вельшем. Он, в общих чертах, напоминает эстетическую рациональность Канта, с помощью которой тот пытался преодолеть пропасть между спекулятивным и практическим разумом. С одной стороны, в этой концепции признается нормативный плюрализм, в том числе и плюрализм справедливостей, но, одновременно, не исключается возможность общих решений. Эти решения включают в себя анализ различий и поиск ситуационных точек соприкосновения, которые, по убеждению Вельша, всегда существуют, но в режиме «здесь и сейчас» [11].

Примером гибкого подхода в реализации справедливости является правовая концепция Рональда Дворкина. Он отталкивается от факта, с которым сталкиваются все правоприменители: жизнь богаче, чем законы. Судья, при определении решения, может просто подогнать разбираемый случай под подходящий закон, неминуемо при этом став Прокрустом. И тогда его вердикт будет несправедливым. Но он может избежать этого, если отнесется к делу с учетом всех его нюансов, обратит внимание на детали, которые не могли быть включены в закон. Для этого он, по Дворкину, должен быть своего рода «юридическим Геркулесом», то есть человеком, наделенным «сверхчеловеческой квалификацией, ученостью и терпением» [12]. Справедливое решение, которое он выносит, опирается на фундаментальные принципы права, культурные традиции, неписаные моральные нормы, политическую целесообразность и конкретную жизненную ситуацию.

Тактика флексибельной справедливости нуждается, для своей реализации, в таких «Геркулесах» не только в сфере права, но и в тех областях, где действия, результаты или состояния оцениваются с точки зрения справедливости. Значительный риск субъективизма в этом деле является достаточным объяснением тому, почему о справедливости с неохотой говорят действующие политики и юристы.

Вывод: Приходится констатировать, что снабдить тех, кто непосредственно имеет дело с реализацией справедливости, надежным критерием, на данный момент не представляется возможным. И это – повод для пессимизма. Оптимизм же вызывает осознание того, что такая интересная и важная тема как справедливость по-прежнему открыта для философских спекуляций и научного анализа.

Мы надеемся, что одним из направлений дальнейшего исследования феномена справедливости, является обстоятельный, с опорой на эмпирические данные, анализ социального устройства конкретных обществ на предмет справедливости, с последующим обобщением полученных результатов. В дальнейшем обосновании или критике нуждается и представленный в данной работе проект «флексибельной» справедливости.

Примечания

[1] Алексеева Т. А. Джон Роулс и его теория справедливости // Вопросы философии, 1994. – № 10.

[2] Honneth A., Kampf um Anerkennung. Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte. - Suhrkamp, Frankfurt a.M. 1993. – S. 6

- [3] Margalit A. Politik der Würde: Über Achtung und Verachtung, Alexander Fest Verlag, Berlin 1997. – S. 11.
- [4] Taparelli, Luigi d'Azeglio. Versuch Eines Auf Erfahrung Begründeten Naturrechts. Volume 1. Nabu Press, 2010. – S. 17.
- [5] Kersting W. Theorien der sozialen Gerechtigkeit. J. B. Metzler Verlag, Stuttgart 2000.
- [6] Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания; Смысл свободы от «оценки» в социологической и экономической науке //Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. – С. 565.
- [7] Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали. Пер. с англ. – М: Академический проект, 1999. Гл. 10-11.
- [8] Лесков Н.С. Собрание сочинений в одиннадцати томах. Том пятый. – М.: Изд-во «Художественной литературы», 1957. – С. 238.
- [9] Walzer M. Sphären der Gerechtigkeit. Ein Plädoyer für Pluralität und Gleichheit (Theorie und Gesellschaft 23), Frankfurt (M.) / New York, 1992. – S. 12.
- [10] Ebenda, S. – 442
- [11] Welsch W. Vernunft. Die Zeitgenössische Vernunftkritik und das Konzept der transversalen Vernunft. Fr.-am-M, 1995. – S. 850.
- [12] Дворкин Р. О правах всерьез. Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 152.

Конкурсная работа под девизом «Позаботьтесь о справедливости, и солидарность в общество придет сама, как её следствие», № 109.

Критерии оценки	Оценка от 0 до 10	Умножение на	Итого
Концептуальность рассмотрения проблемы	+7	4	28
Логическая последовательность и аргументированность выносимых на обсуждение положений	+8	3	24
Критический анализ массовых представлений и существующих точек зрения	+7	2	14
Историческая обоснованность	+7		7
Наличие фактических ошибок в изложении	-	5	-
Подмена логической аргументации риторикой	-	3	-
Итого			73

Добротное, интересное исследование, в котором представлена история концептуализации понятия справедливости, выделены различные уровни справедливости, обосновывается тезис о структурных основаниях справедливости, предложен так называемый, гибкий подход к осуществлению политики справедливости. Присутствуют и социальная заостренность анализа и теоретическая обоснованность выводов. Можно посетовать разве что на то, что проблема соотношения истины и справедливости в данной работе представлена эпизодически.